

ПЕСНЬ ● НИБЕЛУНГАХ

В пересказе Игоря Мальшева

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Предисловие

Читатель, перед тобой история, которой более восьмисот лет. Кто-то подумает: «Какая древность! Какая скука! Зачем это читать?» Ничего подобного – страсти человеческие вечны, ненависть человеческая неистребима, жажда мести и сейчас так же свойственна человеку, как и жажда любви.

Прочти эту историю, и ты увидишь, как изменились, если, конечно, изменились, люди за восемьсот лет.

Впрочем, оставим страсти и эмоции и поговорим о том, чем ценна эта книга для трезвого ума.

Сегодня сложно представить себе по-настоящему образованного человека, незнакомого с текстами, которые являются фундаментальными для мировой культуры: «Илиадой», «Одиссеей», «Сказанием о Гильгамеше», «Калевалой», «Ведами», «Словом о полку Игореве»... К числу этих памятников, несомненно, относится и средневековый германский эпос «Песнь о Нибелунгах».

Перефразируя В. Г. Белинского, можно сказать, что это «энциклопедия немецкой средневековой жизни».

«Песнь...» даёт представление о политическом и этническом устройстве Германии на рубеже первого-второго тысячелетия нашей эры, когда, собственно, Германии как таковой ещё не было, а существовали разрозненные государства, сложившиеся на основе народов и этнических групп: баварцев, бургундов, нидерландцев, гуннов...

В книге можно найти массу бытовых сведений о жизни феодалов. О том, как они пировали, охотились, путешествовали, воевали, заключали брачные и политические союзы, принимали гостей и послов. Несомненный интерес представляет система взаимоотношений типа «сюзерен-вассал», «сюзерен-сюзерен», «вассал-вассал». Дело в том, что одной из главных пружинок сюжета «Песни...» являются именно эти отношения. Подчас они толкают героев на не вполне понятные современному человеку поступки, но тем интереснее погружаться в тот мир.

Например, когда король или королева шли в храм, никто не имел права войти туда раньше них. Если же кто-то смел переступить церковный порог раньше монархов, это считалось вопиющим нарушением субординации и оскорблением.

Одним из главных достоинств монархов и знати считалась расточительность. Лишь тот, кто был щедр к вассалам и гостям, в полной мере оправдывал своё высокое положение.

Король, напротив, практически никогда не принимал подарков. Преподнести что-либо в дар монарху мог лишь человек, равный ему. Предложение от любого другого лица считалось оскорблением. Подобное правило касалось, кстати, и королевских послов. Принятие послами подарков рассматривалось как свидетельство того, что их повелитель недостаточно богат, и мало способствовало росту королевского авторитета.

И так далее, и тому подобное...

Средневековые взаимоотношения – интересный и крайне непростой мир, и в «Песни о Нибелунгах» они представлены во всей многогранности.

Помимо выдающихся культурологических достоинств, эпосея является ещё и крупным драматическим произведением. По аналогии с греческими трагедиями, действующие лица эпоса вступают во взаимоотношения, которые неминуемо ведут их к смерти. Совершив небольшие ошибки в начале действия, герои запускают цепь событий, которые обрекают на гибель их самих и ставят под удар их королевства. Так падение песчинки в горах вызывает лавину, которая уничтожает целые города. Наблюдение за тем, как разматывается трагическая цепь, завораживает. Читатель следует за сюжетом, осознавая обречённость героев, и вместе с тем он не в силах оторваться от созерцания линии их судьбы. Воронка «Песни...» затягивает его, чтобы оставить потом с ощущением, что он столкнулся с великой красотой и великой трагедией.

Герои эпоса носят черты архетипов своего времени. Зигфрид – величайший из воинов, Брюнхильда – дева-воительница, Кримхильда – вдова, нашедшая смысл своей жизни в мести, Хаген – коварный злодей, Рюдегер – образец благородства и рыцарской чести.

Принято считать, что эпопея была написана около 1200 года. Место её возникновения следует искать на Дунае, где-то между Пассау и Веной. Такой вывод напрашивается исходя из того, что при описании современной ему Австрии и соседних с ней территорий автор не делает географических ошибок. Упоминая же более отдалённые территории, он довольно часто допускает неточности.

Авторство «Песни...» по сей день остаётся загадкой. Одни исследователи приписывают её перу некоего духовного лица, возможно, состоявшего при епископе Пассауском. Другие видят автора в безвестном шпильмане, бродячем певце. Третьи считают, что эпопея написана образованным, но не очень родовитым рыцарем.

Впрочем, автор «Песни...» не является автором в полном смысле этого слова. Скорее, тут может быть употреблён термин «творческое редактирование». Эпос является результатом переработки многочисленных германских героических песен и сказаний. Что-то при обработке наверняка было утеряно, что-то, возможно, досочинено.

Значение «Песни о Нибелунгах» для мировой культуры невозможно подвергнуть сомнению. Зигфрид, как образец воителя и рыцаря, прочно вошёл в пантеон героев. Кровавожадность его жены Кримхильды, жестоко отомстившей

родным братьям за смерть мужа, также стала легендарной. Взаимоотношения девы-воительницы Брюнхильды, обладавшей невероятной физической мощью, и её мужа короля Гунтера стали притчей во языцех: несчастный монарх, надоевший деве приставаниями во время первой брачной ночи, до утра провисел, словно мешок, на вбитом в стену крюке.

Отголоски, а то и прямое копирование сюжета «Песни о Нибелунгах» можно отыскать в самых неожиданных местах. Например, в «Трёх мушкетёрах» есть эпизод, когда д'Артаньян проникает в спальню к миледи и, пользуясь темнотой, выдаёт себя за её любовника графа де Варда. Затем он проводит с ней ночь и уходит, забрав на память перстень. В «Песни...» аналогичная ситуация происходит с участием Зигфрида, Брюнхильды и её мужа короля Гунтера. С той лишь разницей, что Зигфрид не ограничивается перстнем, а прихватывает ещё и пояс, что привело к трагическим и кровавым последствиям.

«Песнь...» обладает очень насыщенным и драматичным сюжетом. Поэтому неудивительно, что многие деятели культуры в своём творчестве обращались к этому эпическому шедевр. В девятнадцатом веке Рихард Вагнер создал оперную тетралогию под общим названием «Кольцо нибелунга». В двадцатом веке «Песнь...» неоднократно экранизировалась. Первая экранизация была сделана классиком немого кинематографа Фрицем Лангом ещё в 1924 году. Затем выходили фильмы в 1966, 1967, 2004 годах.

Существует два полных стихотворных перевода «Песни о Нибелунгах» на русский язык. Один был создан в 1889 году М. И. Кудряшевым, второй в 1972 году Ю. Б. Корнеевым. Данная книга является полным прозаическим переложением эпоса, выполненным на основе текста Ю. Б. Корнеева. Текст переложен без купюр и максимально близко к оригиналу.

Центопа I

Крихильда

Много чудесных историй сокрыто в ушедших временах. О рыцарских подвигах, шумных пирах, молодецких забавах, о жестоких раздорах, любви и страданиях. Послушайте и вы о тех далёких и славных временах.

Давным-давно в землях бургундов* жила юная девушка по имени Кримхильда. Красивей и родовитее её нельзя было отыскать во всём мире, и мало кто из женщин мог сравниться с ней в достоинствах. Всем она нравилась, и каждый мужчина, увидевший её хоть раз, мечтал и думал лишь о ней одной. Но, как вы узнаете в свой срок, многим её красота принесла гибель.

* Время действия «Песни о Нибелунгах» относится к эпохе переселения народов. В IV–V вв. н.э. германское племя бургундов населяло левый берег Рейна, где основало королевство с центром в Вормсе. Разгромленные гуннами в 437 г., бургунды были вынуждены переселиться на юг нынешней Франции.

Росла Кримхильда под защитой трёх братьев-королей, трёх славных витязей – Гунтера, Гернота и отважного Гизельхера, что был младшим из них. Род их исстари славился отвагой и щедростью, а о том, насколько братья сильны и отважны, впоследствии узнали гунны короля Этцеля*, коих множество было сражено их мечами.

Мать братьев звалась Утой. Отец их, грозный для врагов Данкрат, умер, и во главе королевства, как и положено по закону и праву, встали его сыновья.

Жили короли вместе с дружиной на Рейне, в Вормсе. Вассалы, все сплошь бесстрашные воины, считали за честь служить им и блюли верность даже тогда, когда раздор, произошедший меж двух высокородных дам, обрёл их на гибель.

Хаген – владетель Тронье, его племянник Ортвин Мецский – стольник, ревниво оберегавший честь бургундских владык, Фолькер – шпильман из Альцаля, скрипач и славный боец, Данкварт – младший брат Хагена, маркграфы Эккеварт и Гере. За кухней смотрел Румольт, Синдольт был чашником, Хунольт – постельничим, а Данкварт, о котором уже говорилось, – конюшим.

* Здесь имеется ввиду Аттила (Атли), умерший в 453 г., вождь гуннского племенного союза, подчинившего себе обширную территорию от Кавказа на востоке до Рейна на западе, от Дании на севере до правого берега Дуная на юге. Резиденция Аттилы, правившего гуннской державой в 434–453 гг., находилась на территории современной Венгрии. До 445 г. Аттила правил вместе с братом Бледой, выведенным в «Песни...» под именем Бледеля, затем убитого им.

Много можно рассказать о том великолепном дворе и витязях, что находились при нём. Сколько великих подвигов было совершено, сколько доблестных дел!

Как-то раз приснился красавице Кримхильде сон, будто слетел к ней с небес вольный сокол, но вскоре прямо на её глазах был он до смерти заклёван двумя орлами. Дева проснулась в большом страхе и немедленно рассказала о своём сне матери. Королева Ута выслушала дочь.

– Сон твой вещий, – сказала она. – Тот сокол – славный витязь и твой будущий муж. Мы можем только молиться, чтобы Бог сохранил его для тебя и не отнял до времени.

Огорчилась Кримхильда.

– Нет, матушка. Уж лучше я проживу, вовсе не зная любви, чем буду всю жизнь горевать о потере любимого.

– Не зарекайся наперёд, – остановила её Ута. – Какая ещё есть на свете радость, если не любовь мужа? Наберись терпения, и в свой час Господь пошлёт тебе пригожего витязя.

– Нет! – ответила матери королевна. – Уж лучше я останусь в девицах. Не раз видела я, как любовь оборачивается горем, и не хочу себе подобного удела.

Так прекрасная Кримхильда жила год за годом, никому не отдавая своего сердца, пока однажды отважный витязь, похожий на сокола из сна, не повёл её под венец.

Ах, кто бы мог тогда представить, как отомстит Кримхильда за его убийство, и сколько смертей и бедствий принесёт эта свадьба её родне!

Центра II

30
Зусррде

Вто же самое время в Нидерландах жил королевич Зигфрид с сердцем, полным жажды славы. Его родители Зигмунд и Зиглинда правили в Ксантене, богатом городе на Нижнем Рейне, и не могли нарадоваться на сына. Ещё юношей объездил он множество стран и земель. Известия о его отваге и мощи пронеслись далеко за пределами королевства, а красота поразила сердца многих девиц. Отменное воспитание, данное ему родителями, вместе с талантами, которыми щедро наградила его природа, сделали его гордостью Нидерландов.

Когда Зигфрид вырос и настало время жить ему при своём дворе, каждый был рад видеть его, и множество дам и дев только того и хотели, чтобы он почаще бывал в их кругу. С тех пор он всюду стал появляться с многочисленной и пышной свитой. Отец и мать дарили ему богатые одежды, а дядьки-учителя наставляли мудрыми советами, чтобы он мог потом достойно править их землёю. Скоро Зигфрид достаточно окреп, чтобы носить доспехи,

а поскольку с рождения был он могуч и отважен, дамы всё чаще бросали на него влюблённые взоры, да и сам королевич начал засматриваться на придворных красавиц.

Поняв, что настал срок наделить сына рыцарским титулом, Зигмунд созвал на пир своих вассалов, а также разослал гонцов в окрестные земли, обещая одарить всех пришедших конями и пышной одеждой. Позвали множество юношей, кому происхождение даёт право носить рыцарский сан, с тем, чтобы король в назначенный день перепоясал мечом не только Зигфрида, но и его сверстников*. До сей поры помнят люди тот пир, так щедр был король, так радушна королева. Никто из гостей, а их было немало, не остался обделённым.

Четыреста бойцов – ровесников Зигфрида – получили от короля великолепное платье. Множество девиц до самого праздника днями и ночами трудились над ним: вставляли драгоценные камни в золотую оправу и нашивали их на дорогой бархат. Ведь смельчаки и выглядеть должны достойно!

Праздник, на котором Зигфрид стал рыцарем, назначили на день солнцеворота. Рыцари вместе со своими оруженосцами во множестве собрались в соборе. Как повелось с давних пор, старшие в этот день служили молодым, и все они равно предвкушали весёлые забавы и игрища.

* Обряд перепоясания мечом – ранняя немецкая форма посвящения в рыцари. Посвящение в рыцари путём удара мечом по плечу посвящаемого – французский обычай, привившийся в Германии лишь в эпоху позднего средневековья.

Пока в соборе шла обедня во славу Господа, на площади собралась многочисленная толпа, всем хотелось увидеть, как юношей будут посвящать в рыцари. Каждому витязю был подарен конь, а затем перед дворцом развернулся шумный турнир. От топота рыцарских скакунов сотрясались стены, витязи бились, не жалея себя, ведь битва – главная радость воина. Молодые и старые витязи сшибались друг с другом, с треском ломались древки копий и, жужжа, разлетались в разные стороны.

В свой час, завидев поднятую руку Зигмунда, воины прекратили турнир и оставили ристалище. Ах, сколько иссечённых щитов лежало на месте схватки! Сколько драгоценных камней, упавших с перевязей, горело в траве, будто угли!

Король вместе с гостями отправились пировать. Столы ломились от дорогих вин и кушаний, и рыцари, утомлённые воинской потехой, тут же приободрились. До самой глубокой ночи пировали витязи. Бродячие певцы улаждали их слух, а хозяйева, как и надлежит могущественным владыкам, не жалели дорогих даров.

Король дал Зигфриду право жаловать сверстникам в лен города и земли. И герой, подобно тому, как сам Зигмунд когда-то, столь щедро оделил их, что каждый остался благодарен ему.

Торжество продолжалось целую неделю. Зиглинда, чтобы расположить гостей к сыну, одаривала всех золотом, ибо знала, любовь подданных покупается отнюдь не скупостью. Самый последний шпильман ушёл богачом с того

праздника – королевская семья и их гости были столь щедры, словно жить им оставалось лишь до рассвета.

Когда же пир окончился и гости стали прощаться, самые родовитые вассалы подошли к Зигфриду и сказали, что они были бы рады хоть сейчас увидеть его на троне, но герой даже и слышать о том не захотел.

– Покуда живы отец мой и мать, – ответил он им, – я не стану и помышлять о короне. Однако если некий враг вздумает вдруг угрожать моей стране, я с готовностью встану во главе войска вместо родителя.

Центофа III

О том, как
Зусфрид
отправился
в Борне

Так, наслаждаясь жизнью, проводил свои дни Зигфрид, пока не прознал однажды о прекраснейшей деве, что живёт в Бургундии. Та девушка принесла потом герою много счастья, но, увы, и много горя. По самым далеким пределам разошлись слухи о красоте, добром нраве и уме Кримхильды. Множество рыцарей сваталось к бургундской красавице. Однако никто не мог покорить её сердце, ни в ком не увидела она мужа. Впрочем, она ещё не встретила того, кого предназначила ей судьба.

Зигфрид же тем временем крепко задумался, кого ему взять в жёны? Сказать по правде, вряд ли кто смог бы ответить ему отказом. Любая, даже самая знатная из девиц, не смогла бы отказать ему при сватовстве.

Мечта о том, чтобы найти свою любовь, не покидала воителя ни днём ни ночью. Да и родственники вместе с друзьями тоже всё упорней советовали избрать наконец себе невесту. И тогда ответил им Зигфрид:

– Я хочу взять в жёны Кримхильду. Никто не сравнится с ней в красоте, и даже величайший из королей счёл бы её достойной супругой.

Все пришли в сильное волнение, услышав ответ Зигфрида, а Зигмунд опечалился больше всех. Чувствовал он, что грозит несчастьями любовь сына к бургундской красавице. Когда король сообщил это известие Зиглинде, то и ей стало не по себе. Слышала она немало пугающего о Гунтере и его дружине, и теперь уже вместе с Зигмундом принялись они отговаривать единственного отпрыска от опасного сватовства. Однако пылкий Зигфрид не отказался от своего желания:

– Мои любимые отец и мать, пусть уж лучше я никогда не женюсь, если не могу пойти под венец с той, кого люблю. Поэтому, как ни уговаривайте, я не отступлюсь.

– Что ж, если ты столь упорно стоишь на своём, – ответил король, – я не стану препятствовать тебе и помогу, чем смогу. Но, прошу, помни, люди Гунтера горды и чванливы, а отважный Хаген стоит их всех вместе взятых. Очень ревностно заботится он о чести своего короля. И потому, когда будешь свататься к высокородной красавице, будь осторожен, чтобы не вышло у вас с ним ссоры.

– Не стоит беспокоиться, отец, – беззаботно отвечал Зигфрид. – Если короли не отдадут невесту по доброй воле, отберу силой. А их земли и замки возьму вместо приданого.

– Опасные речи, – нахмурился Зигмунд. – Если дойдут они до бургундских владык, тебе следует навсегда забыть дорогу к ним. К тому же хочу напомнить, – добавил

король, – что не следует брать невесту силой. Однако если ты решишь взять с собой охрану, я знаю немало надёжных людей.

– Я еду не на войну, – ответил смелый королевич. – И вряд ли смогу я обрести любовь Кримхильды, если навяжусь ей в супруги при помощи оружия. Нет, только честью и доблестью смогу я завоевать её сердце. Поэтому в Вормс я возьму с собой всего одиннадцать бойцов. И я хотел бы попросить вас одеть моих спутников подобающе случаю.

Зигмунд тут же распорядился наделить его свиту богатыми двухцветными мехами.

Зиглинда, узнав, что сватовство всё же состоится, не сдержала слёз, так стало ей страшно за сына. Что если он не вернётся? Что если Гунтеровы вассалы убьют его?

Зигфрид пришёл в покои, где в печали сидела его мать, и принялся ласково утешать её:

– Матушка, утрите слёзы. Не бойтесь за меня, мне по силам сокрушить любых противников, сколько бы их ни было. А вместо того, чтобы плакать, снарядите нас самой лучшей одеждой, чтобы моим достойным бойцам было в чём щеголять перед бургундами. И я буду несказанно благодарен вам за это.

– Если ты упорствуешь, я не могу отказать тебе, и дам твоим спутникам такое платье, что даже знатнейшие из витязей будут им завидовать.

Королевич поклонился ей и промолвил со всей учтивостью:

– Нас будет немного, всего двенадцать человек вместе со мной. Собирайте же нас поскорее, очень мне хочется увидеть прекрасную Кримхильду.

Зиглинда призвала девиц и те засели за работу. Без сна и отдыха трудились девы, чтобы успеть сшить одежду к отъезду Зигфрида. Отец снабдил сыновнюю дружину лучшими доспехами: дал блестящие шлемы, прочные щиты, хитро сплетённые кольчуги.

Настал день отъезда. Весь двор – и мужчины, и дамы – пребывал в большой тревоге: как знать, что ждёт Зигфрида и его спутников при бургундском дворе? Путники уложили поклажу на вьючных лошадей, а сами уселись на лихих скакунов.

Зигфрид испросил у родителей разрешения ехать. С тоской и печалью отпустили они его.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА